

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2025–2026 учебный год

Муниципальный этап

11 КЛАСС

Задание 1.

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Татьяна Толстая (р. 1951)

Струзер

Что ты вынесешь из горящего дома? Что ты вывезешь из ледяного, осажденного города?

30 ноября 1941 года. Ленинград. Еще не вечер, но на улице — темно, и во всех окнах затемнения, и фонари этой осенью, конечно, не горят. И транспорт не ходит.

Два пожилых человека вышли из дома 73/75 на Кировском (некогда Каменноостровском) проспекте, пересекли неширокий двор-курдонёр, оглянулись в последний раз на еле различимые при свете звезд окна своей квартиры — суждено ли воротиться? — завернули направо за угол и побрели на север.

Он высокого роста, в тяжелой шубе, с небольшим чемоданчиком — большой взять не разрешили, ведь самолет крошечный; она маленькая, худенькая, ему по плечо. Она пытается отобрать у него чемоданчик:

— Миша, ну дай я понесу... Ну нельзя тебе...

Но он только качает головой:

— Все хорошо, Танюша. Эта ноша не тянет.

Стемнело, и с Невы дует сырым морозом. Пройти вдоль Лопухинского сада, переименованного новыми властями в садик Дзержинского. Взойти на мост через Малую Невку. Дальше будет Каменный остров, и там уже нет асфальта, а торцовые мостовые размыло наводнением еще в 24-м году, и теперь там только булыжник и скованная морозом вздыбленная земля — колдобины и рытвины. Были кое-где

деревянные настилы, но ленинградцы растащили их на растопку. Топят и заборами, и книгами. Горит и синий Флобер с золотым тиснением, и маленький зеленый Мериме.

Это мои дедушка и бабушка Лозинские. И им надо пройти по темному и бесснежному городу, по промерзлой земле, по рытвинам и кочкам шесть километров — до Комендантского аэродрома, до самолета, который вывезет их из блокадного города на Большую землю.

Они еще не старые: ему 55, она годом младше его. Почему они идут с таким трудом? Дойдут ли?

Михаил Леонидович Лозинский, мой дедушка по матери, перевел «Божественную комедию» Данте: в 1936 году «Ад», в 1939–40-м — «Чистилище» и за месяц до войны закончил писать примечания к нему, составившие целый том. А потом оставалось перевести «Рай» — и тут началась война.

Это были несравненные, никем не превзойденные переводы. Академик И. И. Толстой писал Лозинскому: «Чтобы передать текст Данте так, как передали его Вы, надо не только знать в совершенстве итальянский язык, ему современный, и историческую обстановку, но надо, чтобы в человеке звучали струны самой высокой и чистой, подлинной поэзии».

Сам Лозинский позже говорил в интервью: «Я отдал семь лет жизни на то, чтобы сильно почтить память Данте, и счастлив, что довел дело до конца. Три части, сто песней, 14 233 стиха — это немало... Чем глубже я вникал в "Божественную комедию", тем больше преклонялся перед ее величием. В мировой литературе она высится как горный кряж, ничем не заслоненный».

Дедушка был тяжело болен. Помимо эмфиземы легких, у него была акромегалия — заболевание гипофиза, при котором увеличиваются в размерах кисти рук, стопы ног и черты лица оплывают, словно бы скованные маской. И каждый день очень сильно болит голова. Спасался он от головной боли цитрамоном, но я не знаю, можно ли было раздобыть цитрамон в блокадном Ленинграде в ноябре 41-го года?

А еда, где им было раздобыть еду?.. Только что, 20 ноября, была установлена

самая минимальная за всю блокаду норма — смертельная норма — 125 грамм. Рабочим полагалось, так уж и быть, 250 грамм хлеба, всем остальным — 125.

Лозинские были «всеми остальными». Им еще повезло: Михаил Леонидович был еще и членом Союза писателей, так что он, скорее всего, получал какой-то дополнительный паек или был прикреплен к какой-то столовой. Потому что на 125 грамм хлеба выжить было нельзя. К февралю умерла половина города, миллион человек.

Я смотрю туда, в тот день, в тот темный день, случившийся за десять лет до моего рождения, с такой тоской и тревогой, словно он не миновал, а еще только предстоит. Я должна знать, как все это было, и с волнением и благодарностью ищу и нахожу в интернете почти все, что мне нужно: и температуру — ноль градусов, страшный ленинградский ноль, погода, при которой происходит большинство обморожений, как нас учили на уроках гражданской обороны, и количество осадков — нет осадков. Есть звонкая промерзшая земля. А вот 20 ноября, в день, когда сократили норму выдачи хлеба, было 11 градусов мороза. А накануне того — минус 14, и все это без снега. Наверно, Нева замерзла. Наступление темноты — 16:48. Я думаю, они вышли засветло, но пока шли, стемнело.

Зато луна в тот день хоть как-то освещала путь, было три четверти от полной луны. А небо затянуто тучами? Не пишут.

Перейти Малую Невку, Каменный остров, Большую Невку и дальше, дальше. Черную речку перейти, по правую руку будет место дуэли Пушкина, и нельзя не обернуться на него, нельзя не постоять: в темноте памятник едва различим, но мы другими глазами смотрим, так что мы всё видим. Постояли, передохнули — идем дальше.

Им разрешили взять с собой только самое необходимое. А что есть самое необходимое для переводчика Данте?

Исследователи архива Лозинского пишут: «Его архив составлял десятки папок, содержащих разнообразные изыскания, рефераты, конспекты, наблюдения, списки, чертежи, выписки, фотокопии и проч... Сохранились папки, позволяющие составить представление о фундаментальной предварительной работе,

проделанной переводчиком. Среди них, в частности, "Библиография Данте" (картотека с "дантеаной" и переписка с учеными), "Книги о Данте" (конспекты десятков монографий о поэте и его эпохе, а также труды по истории, философии и искусствоведению на пяти языках), "Материалы к ``Божественной комедии``" (реальный и лингвистический комментарий), "Просодия Данте" (стиховые переносы, классификация рифм и т. п.), "Рифмы" (списки рифмующих окончаний по всем песням), "Слова" (лексические возможности русского языка)».

Весь день накануне бабушка Татьяна Борисовна кроила и пришивала к дедушкиной шубе внутренние холщовые карманы. Туда вошли словари староитальянского языка, справочники, конспекты, комментарии, писчая бумага, копирка. Может быть, часть картотеки. В чемоданчик он уложил «Рай», оригинал. А теплые вещи — ну, наверно, они надели их на себя. В квартире не было ни воды, ни огня.

...И отправился в дорогу,
То одну, то другую
Пред собою ставя ногу.

Он рассказал бабушке — вот так и мы с тобой идем, — и они оба посмеялись. Когда смеешься, легче.

Место дуэли Пушкина — это примерно полпути, но дальше дома кончаются, ориентиров нет, и они идут вслепую, наугад, голодные, но в чемоданчике у него «Рай», а рядом верная жена — идут как-то, волочат ноги.

Михаил Леонович Гаспаров называет перевод «Божественной комедии» «изумительным», «прочным и точным», «образцовым», «незыблемым и монументальным». То же можно сказать и про самих Лозинских: прочные, точные, незыблемые и монументальные.

Но настал тот миг, который и должен был настать: они заблудились. Холодное пустое поле, посвист ветра, ни огонька. Ни одной живой души кругом. И силы кончились. И они решили, что тут они и умрут, потому что идти некуда. Дедушка поставил чемоданчик с «Раем» на промерзлую землю, они сели на чемоданчик в обнимку, взялись за руки и стали ждать последнего сна.

И конечно, начальные строки «Ада» звенели в их ушах:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несу!

Вдруг из темноты выскочила темная фигура. Человек (если это был человек) споткнулся о них. Вгляделся в лица:

— Михаил Леонидович, это вы? Татьяна Борисовна! Это Струзер! Не помните меня?

— Какой струзер?..

— Фамилия моя Струзер! Я был у вас в гостях, мы были студентами, мы шумели, а вы, Татьяна Борисовна, попросили не шуметь, потому что Михаил Леонидович работает! А вы вышли к нам, Михаил Леонидович, и поклонились! Я узнал вас! Вы на самолет? Самолеты замаскированы, вы их так не увидите. Пойдемте, отведу вас! Я тут работаю!

И Струзер подхватил чемоданчик с «Раем» — «Тяжелый! Что там у вас? Кирпичи?» — и повлек дедушку с бабушкой к невидимым, укрытым от глаз самолетам.

...Потом была Казань, потом Елабуга, где тоже было голодно, но не так, как в Ленинграде, и даже была картошка, подумать только, а маленький внук, полуторагодовалый Миша, названный так в честь деда, не умел еще ходить, но выполз из дома, нашел грядку с луком, выкопал луковицу и ел; плакал, но ел, словно знал, что это хорошо и полезно.

И дедушка перевел «Рай», и написал к нему том комментариев, и вернулся в свою квартиру в доме 73/75, в свой неразворованный кабинет, к своим несожженным книгам, и кончилась война, и он получил за перевод «Божественной комедии» Сталинскую премию I степени и увидел еще внуков — и даже я родилась, — и столько в большой нашей семье было случаев неожиданной помощи ниоткуда, неожиданного чудесного спасения, и тогда все смеялись и говорили: ну, понятно, обычный струзер!

Они жили долго и умерли в один день. Они не узнали о смерти друг друга. Когда бабушке сказали, что Михаил Леонидович не переживет этой ночи, когда уже бежали к нему с бесполезными кислородными подушками, она, не в силах услышать страшную весть, ушла к себе и приняла огромную дозу снотворного. В суматохе и беготне никто этого не заметил. Так она не узнала, что он умер в ту же ночь, а он не узнал, что умерла она. Друг для друга они остались навсегда живы.

Смерти нет, есть дорога, ведущая сквозь тьму и тернии к новому рассвету, и в конце ее — невидимый для земных глаз черный челн, корабль с багряными парусами, белый ялик, резная ладья или хорошо замаскированный самолет, — каждый что хочет, то и увидит, и идти по этой дороге легко, и вы не собьетесь с пути, мои любимые: там уже ждут вас и Данте, и Вергилий, и Пушкин, и брат Гриша, и все, все, кто ушел туда раньше вас. И светлый струзер с белоснежными крыльями перекинёт для вас золотые сходни с берега на лодку и передаст вам прозрачный чемо-данчик с сияющим «Раем» внутри:

— Сказали: это для вас.

2024

Бахыт Кенжеев (1950—2024)

* * *

Позеленевший бронзовый жеребенок — талисман умолкнувшего этруска — узким косится глазом. Ненавязчивый луч солнца сквозь занавеску напоминает, что жизнь — это тропинка в гору, только без спуска, сколько в ней плеска и придорожной пыли, и сколько блеска! Не слепит, но отчетливо греет. Алый воздушный змей над лужайкой реет, и щербатый мальчишка за ним бежит, хохоча от избытка счастья. Дед его на веранде, отвернувшись, млеет с улыбкой жалкой над потрескавшимися фотографиями, тонированными сепией. Нитка следует за иглой, а та — за перебором пальцев по струнам незаконнорожденной русской гитары, за готическим скрипом половиц на втором этаже, когда уже поздно любоваться лунным

светом. Хорошо, уверяют, жить несъедобным океанским рыбам
в тесной стае, на глубоководье. Бревенчатый дом моего детства
продается на слом. За овальным столом, под оранжевым абажуром,
сгинувшим на помойке, три или четыре тени, страшаясь оглядеться,
пьют свой грузинский чай с эклерами. Осенний буран желтым и бурым
покрывает садовый участок, малину, рябину, переспелый крыжовник.
Да и сам я — сходная тень, давно уже издержавшаяся в напряженных
голосах подводной вселенной, где, испаряясь в печали тайной,
на садовом столе исчезает влажный след от рюмки, от гусь-хрустальной.

2003

Задание 2.

Вы — автор и ведущий литературного подкаста «Сумерки», который выходит по вечерам на волнах радио «Культура» на частоте 91,6 FM в московском регионе. Ваша миссия — не просто рассказывать о стихах, а создавать целостную, увлекательную историю для слушателей.

Подготовьте сценарий для третьего выпуска цикла «Колыбельная в русской поэзии». Хронометраж — как обычно — 10-15 минут. Сценарий должен включать текст ведущего, музыкальные вставки (Вы можете дать указания музыкальному редактору) и записи чтения стихотворений.

В авторском тексте необходимо объяснить слушателям особенности жанра колыбельной в литературе. Обращайте внимание на то, какие мотивы и образы, какие характерные художественные приемы делают стихотворение колыбельной. Проследить изменения жанра в 1-й половине XX в., покажите на примерах, как расширяется тематический диапазон колыбельной в русской поэзии.

Редактор выпуска уже подобрал для Вас несколько стихотворений. Вы можете использовать их (все или некоторые) для создания программы, но можете дополнить или изменить этот исходный набор за счет других примеров из русской или зарубежной поэзии на свое усмотрение.

Русские колыбельные (1-й пол. XX в.)

Валерий Брюсов

Колыбельная песня

Девочка далекая, Спи, мечта моя! Песня одинокая Над тобой — как я.	Словно речь бессвязная — Память лучших дней... А была алмазная Радуга огней!
Песня колыбельная, Сложенная мной, Странно-нераздельная С чуткой тишиной.	Дремлешь ты под пение В колыбели тьмы... Будь хоть на мгновение Счастлива, как мы!
Это отзвук тающий Прежних, страстных слов, Отзвук умирающий В тихой бездне снов.	И в минуту жгучую От любви мертва, Вспомни ночь певучую, Тихие слова!

Спи, моя далекая,
В храме бытия,
Песня одинокая —
Вся любовь моя!

1903

Марина Цветаева

Колыбельная песня Асе

Спи, царевна! Уж в долине Колокол затих, Уж коснулся сумрак синий Башмачков твоих.	Тронет землю легким взмахом Трепетный плюмаж. Обо всем шепнет со страхом Непокорный паж.
Чуть колышутся березы, Ветерок свежей. Ты во сне увидишь слезы Брошенных пажей.	Будут споры... и уступки, (Ах, нельзя без них!) И коснутся чьи-то губки Башмачков твоих.

1906-1912

Федор Сологуб

Жуткая колыбельная

Не болтай о том, что знаешь, Темных тайн не выдавай. Если в ссоре угрожаешь, Я пошлю тебя бай-бай. Милый мальчик, успокою Болтовню твою И уста тебе закрою. Баюшки-баю.	Мы, воровки, не тиранки: Крови не пролью, В тряпки вымакаю ранки. Баюшки-баю. Между мальчиками ссора Жуткой кончится игрой. Покричи, дитя, и скоро Глазки зоркие закрой. Если хочешь быть нескромным, Ангелам в раю Расскажи о тайнах темных. Баюшки-баю.
Чем и как живет воровка, Знает мальчик, — ну так что ж! У воровки есть веревка, У друзей воровки — нож. Освещу ковер я свечкой.	

Посмотри, как он хорош.
В нем завернутый, за печкой,
Милый мальчик, ты уснешь.
Ты во сне сыграешь в прятки,
Я ж тебе спою,
Все твои собрав тетрадки: —
Баюшки-баю!

Нет игры без перепуга.
Чтоб мне ночью не дрожать,
Ляжет добрая подруга
Здесь у печки на кровать,
Невзначай ногою тронет
Колыбель твою, —
Милый мальчик не застонет.
Баюшки-баю.

Из окошка галерейки
Виден зев пещеры той,
Над которою еврейки
Скоро все поднимут вой.
Что нам, мальчик, до евреек!
Я тебе спою
Слаще певчих канареек: —
Баюшки-баю!
Убаюкан тихой песней,
Крепко, мальчик, ты заснешь.
Сказка старая воскреснет,
Вновь на правду встанет ложь,
И поверят люди сказке,
Примут ложь мою.
Спи же, спи, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

12 октября 1913, Петербург-Москва

Анна Ахматова

Колыбельная

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

1915. Царское Село

Василий Князев

Колыбельная

Волчонок, спи! ты — должен спать!..
Ты должен силы накапливать,
Чтоб в дикой жизненной борьбе
Кусок достался и тебе!..
Коль быть не хочешь на цепи,
Волчонок, спи!

Мы не собаки — волки мы!..
Мы для людей — страшной чумы;
Ты слышишь, щелкают курки?..
Расти, мой сын, точи клыки!
Бессильным места нет в степи;
Волчонок, спи!

Лишь когти кормят нашу рать!..
Мужай, коль хочешь жить и жрать
И, встретив пса в глухом лесу,
Клыками впиться в горло псу!
Волчонок, спи! волчонок, спи!
И в сердце ненависть копи!

1913

Елена Глушкова

Колыбельная

Тише, тише, надо спать.
О не бывшем помечтать!
Тихий сон стучит в окно.
Шорох — стук.
Спи, мой друг!

На ресницах нет ведь краски.
И, как в старой давней сказке.
Любят сразу и навек.
Это сон раскрыл котомку, —
И чернить не надо тонко
Края век.

И кармин теперь не ляжет,
И морщинки острой пряжей
Скоро, скоро на лицо.
Это бродит сон несмелый.
Это к нам пришел и сел он
На крыльцо.

Там сидит — седой, нечеткий...
А в руках такие четки.
Что вовек не перебрать...
Ветер вьет седую прядь.
Чуть коснется тихих рук...
Шорох — стук.
Спи, мой друг!

1929

Сергей Петров

Колыбельная

Куры дремлют, козы спят.
Ночь от головы до пят.
Скачут блохи по избе.
Что ж не дремлетя тебе?
Печка пухнет, что калач.
Замолчи, пострел, не плачь!
За грядую облаков
бродят стаи мужиков.

Кто с ножом, а кто с ружьем,
с кулаками и с дубьем.
Принесут тебе — не хнычь! —
освежеванную дичь.
Чу, летят во все концы
бородатые отцы.
И ножи, как синий чад,
во хмелю блеснув, стучат.

6 декабря 1933-30 апреля 1941

Ольга Берггольц

Колыбельная

Расстиляет тьму
ночь метельная.
Дай спю тебе, муж,
колыбельную.
Ты приляг — теплей
на плече моем...
Много-много дней
проживем вдвоем.
Нам враги вокруг
удивляются,
нами каждый друг
похвывается...
Нам в последний бой

уходить с тобой,
если смерть придет —
умирать с тобой.
Если ж ранят вдруг,
искалечат вдруг —
ты не бойся, друг,
не смущайся, друг:
буду нянькою,
буду мамкою...
Ты приляг — теплей
на плече моем.
Много-много дней
будем жить вдвоем...

Осень 1939

Илья Эренбург

Колыбельная

Было много светлых комнат, А теперь темно, Потому что может бомба Залететь в окно. Но на крыше три зенитки И большой снаряд, А шары на тонкой нитке Выстроились в ряд. Спи, мой мальчик, спи, любимец! На дворе война. У войны один гостинец — Сон и тишина. По дороге ходит ирод, Немец и кощей, Хочет он могилу вырыть, Закопать детей; Немец вытянул ручищи, Смотрит, как змея,	Он твои игрушки ищет, Ищет он тебя. Если ночью все уснули, Твой отец не спит, У отца для немца пули, Он не проглядит, На посту стоит, не дышит, Ночи напролет, Он и писем нам не пишет Вот уж скоро год. Он стоит, не спит ночами За дитя свое, У него на сердце камень, А в руке ружье. Спи, мой мальчик, спи, любимец! На дворе война. У войны один гостинец — Сон и тишина.
---	---

1942

Евгений Кропивницкий

Бесовская колыбельная

Спите дьяволы и черти, Спите, вам не надо смерти. Бай-бай! Бай-бай-бай!	Люди злятся стервенеют, Люди сами всё умеют Бай-бай! Бай-бай-бай!
Где вы только не ютились, В каждом доме вы таились. Бай-бай! Бай-бай-бай!	Стали вы теперь досужны, Ваша помощь уж ненужна. Бай-бай! Бай-бай-бай!
Люди в вас теперь не верят, Люди вас охотно херят. Бай-бай! Бай-бай-бай!	Черти, черти, в ад спешите, Отдыхайте, спите, спите. Бай-бай! Бай-бай-бай!

1950

Роальд Мандельштам

Колыбельная Сестре Ленке

Стих давно трамвайный говор, Ходят, бродят сны, Ночь одела спящий город В ласковую синь. Осторожно улыбаясь, Прыгнул на карниз Хитрый-хитрый лунный заяц, Сел и смотрит вниз.	Открывать окно не надо, Надо крепко спать — Зайка сам придет из сада Что-то рассказать. Золотистых-золотистых, В капельках росы, Принесет холодных листьев, Чудный сон приснит.
--	--

1952-1960